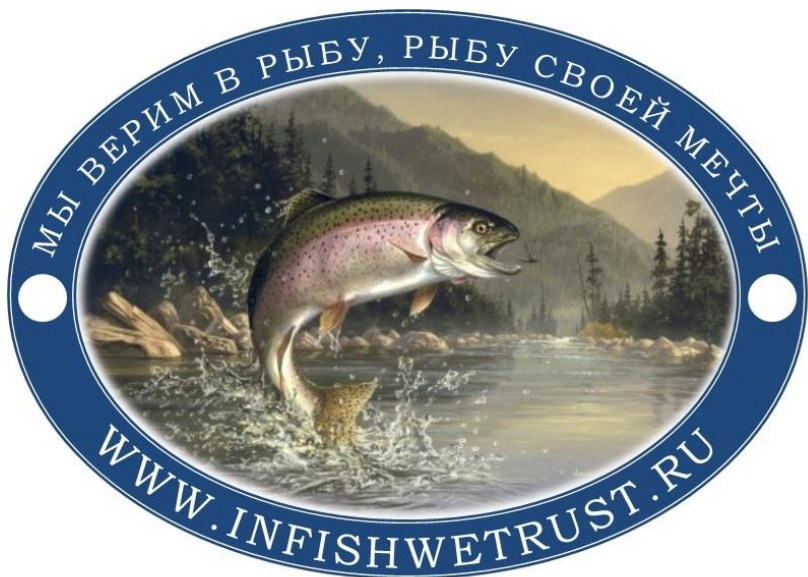

Александр Якушев

В ЛЕТО

В ЛЕТО

Я медленно переставлял ноги, увеличивая хромающий шаг, стараясь догнать своего проводника, пробивающегося сквозь ветки низкорослого березняка и осины, пустивших свои первые зелёные ростки, – как первый признак нового лета.

Только мой прострелянный мечтой мозг мог отважиться на этот лесной переход с подбитой ногой. Этот маршрут, названный *"Посвящение в поморы"*, я придумал два года назад, часами просматривая карту северных лесных границ Мезенского края, и вот, и я уйду в лето¹.

Найти проводника к избе на границе северо-восточного водораздела Мезени мне посчастливилось случайно, и встреча с ним и предопределила эту историю. Изба была построена давнишним знакомым Ефимыча, проживающим на реке, впадающей в Баренцево море. Эта лесная изба, поставленная на угоре одного из ручьев, наполняющих своими водами реку, а в последующем и северное море, и стала целью моего похода.

Добраться до заповедных нехоженных мест, которых найти всё сложнее и сложнее, оказалось делом не лёгким, что, впрочем, никого никогда не останавливало на Русском Севере. Мы полдня шли на лодке по притоку Мезени до самых верхних ручьев, оставили лодку и вошли в заповедный, но не дремучий лес, хотя в темноте сухие ветви елей напоминали бы чудища. Так, пешком, по забытой и заросшей тропе, ещё полдня пробирались на север, к ручью, при этом после каждой залогии укорачивали последующий упряк².

---

¹ *В лето* - Так в старину поморы называли свои одиночные промысловые летние походы.

² *Упряк* – мера рабочего времени от отдыха до отдыха, перегон

Ефимыч выглядел старше меня, хотя мы были ровесники, заветренная кожа его лица и рук выдавала в нём прожжённого путешественника добытчика-охотника. Он согласился на такой переход с хромоногим туристом под натиском моей одержимости увидеть то, что скрывает от людей Замезень³. А может из-за того, что весна в этом году была ранняя, талая вода сошла, да и медведь, с которым встреча на тропе нежелательна, не должен быть таким агрессивным как в начале весны.

”Берега, как два горба, потому, что жизнь – борьба“, - с этим перефразированным полустижьем я каждый раз преодолевал крутые угоры на пути к избе.

Выстрел дробовика донёсся до нас, когда мы переправлялись вброд через ручей, – у избы нас ожидал на своей лодке Тимофеич, давний знакомый проводника-

---

³ Замезень – земли за границами Мезенского края

полесника⁴. Я поспешно одел выданные мне в аренду сапоги, называемые мной на стародавний манер упáками⁵, нахлобучил рюкзак, и мы пошагали в сторону избы. Тимофеич поднялся на лодке по ручью немного вверх, успев разгрузить наш походный скарб, и через полчаса я повалился на дно лодки и закрыл глаза.

– Саныч, очнись! Швартуй лодку! Выбирай трос, выбирай! – скомандовал Сергеич, мой давний знакомый и проводник, заметив, что я уже второй час киваю носом.

– Ну и приснится же такое, – парировал я, и под кофейный аромат, поднимающийся из горловины моего термоса начал рассказывать ему свой сон.

Первый день похода запомнился невыносимо долгим и монотонным переходом вверх по реке, шумом пяти-сильного двухтактного старого моторчика, навешенного на перегруженную полувековую лодку, напоминающую мне прошлогоднюю Шняву, морозящим дождём и постоянным желанием отказаться впредь от речных походов и вернуться к пляжному отдыху, слиться с планктоном отдыхающих на прогретой гальке Черноморского побережья.

Падающий ветер нагонял волны, с которыми боролся капитан Шнявы, выруливая то вправо, то в лево в борьбе за прибавку к и так неспешному ходу, который составлял по данным навигатора менее четырёх узлов.

Усталость улетучилась с первыми лучами солнца, заглянувшими в окно лесной избушки, где мы заночевали. Навязчивая азартная идея поделиться сразу же после возвращения домой первыми своими впечатлениями от очередного цивилизационного разрыва пропала на следующий день, – я кропотливо увлёкся наблюдением за рекой, отмечая силу потока болотных ручьёв, устья висок,

---

⁴ *Полесник - охотник*

⁵ *Упáки – сапоги с загнутыми кверху носками*

появление обратного течения, признаки перекатов, расширения рукавов, стремнину, ведь ночная убыль воды составила не менее двух вершков, значит это надо учитывать на рыбалке.

Руки тянулись к тубусу и хотелось проверить свои наблюдения, но впереди был ещё целый день до самой дальней зимовальной избы охотников, где никогда, и никто не ловил рыбу. Это был настоящий ход рыболовов-первооткрывателей! Эти места больше известны в среде охотников-современников, и поморские названия малых речек и ручьев Замезенья отсутствовали, видимо, поречна, осваивая эти места не ходила в эти удалённые земли. Сначала, надо дойти до Страшной щели, затем до трёхречья – устья слияния трёх речек, пройти долгим переходом по речке до Волчьей бережины, а потом дойти до устья полноводного безымянного ручья, в котором и предполагалось проводить рыболовные исследования.

Утки парами поднимались то с правого, то с левого берега. Наглец кулик показывал свою прыть с каждым разом всё ближе и ближе подлетая к носу лодки, у кромки воды потрясёт головой и опять пронесётся, показывая свою храбрость перед пришельцами из другого мира.

Глухарей и тетеревов не встретили, что для этого времени года не удивило, а вот то, что гусь не проявил своего присутствия, немного удивило меня, интуитивно предполагавшего многочисленные поселения в этих местах и гуменников, и лебедей.

– Так на гнёздах все сидят, – коротко объяснил Сергеич, – По траве всё видно. Вот и комар встанет тогда, когда трава покроет угоры.

– В этот раз я поставил цель понять повадки крупного хариуса, хотя не откажусь от сороги, ельца, окуня и щуки в прилове.

– Вот когда вода зарубит, сделает зарубку на угоре, тогда и рыба встанет на свои места. А до этого очень сложно понять, где и как её искать.

Каждый день этого похода запоминался своим отличительным или необычным событием. Погода менялась даже не ежедневно, а ежечасно, и хоть вода за время похода немного уходила, сказать, что вода зарубила – нельзя.

Солнце стояло высоко, впереди был ещё долгий путь, но после того как мы вошли в ручей, я будто бы преодолел портал времени и пространства, настолько окружающая природа преобразила моё сознание. Возносившиеся к небу, и укоренившиеся вширь хлысты молодых, старых и отмирающих елей, стояли в едином ряду и поджимали собой пространство над нами, где осталась только тонкая полоска неба, повторяющая извивающийся ручей. И в это замкнутое елями пространство света устремилась мелодия Б. Окуджавы с наскоро переложенными стихами:

Часовые реки на угорах стоят,

Часовые реки неподвижно молчат,

Часовые реки днём и ночью не спят,

Часовым полагается смена.

Это колдовство продолжалось бы до самой избы, если б не мой проводник, который предложил сделать остановку и наловить мне на ужин свежей рыбки. Уже второй день похода подходит к концу, а мы рыбу за хвост не подержали.

Проснулся я неприлично поздно и начал вспоминать, как подошли к избе, как поднимали туеса в избу, как расхваливал отварного хариуса, приготовленного проводником на костре.

Морозящий дождь не способствовал сборам к первой рыболовной вылазке, я шатался вокруг избушки, то внося, то вынося какие-то походные сумки и рюкзаки, а Сергеич,

ругаясь, постоянно меня подгонял в ответ на моё полусонное бурчание: “Отдыхай, Сергеич, отдыхай!”

Тем не менее, мы вышли на Шняве вверх по ручью с целью определения самой дальней точки нашей экспедиции с последующим сплавом и остановками на мои эксперименты. Прошли, поднимая с угоров гусей, два явных перспективных мелководных переката, несколько неглубоких, но характерных вадиг на излучинах с обратным течением на изломах стремнины.

Смирившись с неотвратимостью очередного сквозного промокания, я грустно сидел на передней банке Шнявы, и после очередного излома русла ручья я так же уныло бросил взгляд в сторону верхушки угора по правому берегу. Медведица, не шелохнувшись, смотрела на меня как на инопланетянина, рядом с ней копошились два пушистика–медвежонка. Я начал судорожно искать фотоаппарат, и когда

обернулся в сторону угора, не сложно догадаться, что я там увидел.

Сергеич из любопытства завернул за очередную излучину и перед нами открылась удивительная картина. Самец стоял у воды по левому берегу и рычал, предупреждал. С правого берега два медвежонка и медведица вошли в воду, переправились, и скрылись в прибрежной растительности. Так, дальнюю точку нашей экспедиции поставил Медведь. Позднее мне Сергеич объяснил, что когда медведь рычит, то он предупреждает, и не будет нападать, если остановиться и уйти, не отворачиваясь, неспешным нагом.

Этот поход запомнился ещё и тем, что это была настоящая рыболовная экспедиция, непрерывные поиски мест для рыбалки, подбора правильных снастей и приманок, определение зависимости активности хариуса от времени суток, погоды, освещённости. Проходя на лодке несколько раз один и тот же перекат на ручье в разные дни и в разное время, получал диаметрально разные и непредсказуемые результаты по рыбалке. Тем не менее, статистика подтвердила теоретические знания, собранные из разных источников, включая и свой практический опыт.

Вспоминаю каждый поворот ручья, каждый перекат, каждый луч солнца, пробивающийся сквозь высокие тучи и окрашивающий яркими красками всё вокруг. Счастье. Рыболовное счастье. Это был самый лучший поход в моей жизни, и превзойти его эмоциональный пик не сможет ни один трофей мира!

За эти дни я окончательно убедился в ценности моего изобретения – поплавок Сан-Саньч при ловле хариуса. Полагаю, что это относится к ловле любой рыбы на быстром течении на искусственную мушку или наживку. Поплавок этот в моём упрощённом походном исполнении представляет собой стальной стержень с петлями на обоих концах на который одевается груз-оливка и оконный утеплитель. В

идеале эта конструкция должна быть изготовлена из твёрдого пенопласта, но эстетическая сторона никогда меня не интересовала. К верхней петле привязывалась основная леска. К нижней петле со стороны грузила подвязывался поводок в полтора локтя длиною с крючком или мушкой.

Я привёз с собой самодельные мушки, которые связал, не имея никаких навыков, кроме просмотренных в интернете видео-уроков из войлока, нащипанного из чёрной и серой стельки, закреплённого кое-как на крючке монтажной нитью, украшая некоторые перламутровыми бусинами из детского набора по рукоделию. Медаль за эстетическое исполнение эта конструкция никогда бы не получила, а вот её уловистость заткнула бы далеко и надолго более изящные изделия.

Преимущество Сан-Саныча заключалось в том, что на быстром течении очень удобно управлять этой снастью. Жёстко закреплённый поплавок на быстром течении моментально встаёт в своё рабочее положение, снасть

получается «глухая», и в момент поклёвки требуется минимальный взмах удилища для подсечки, особенно тогда, когда поклёвки происходили через секунду после касания поплавком воды.

В качестве наживки и на хариуса, и на ельца применял, кроме червя так же кукурузу или сало, а вместо мушки пробовал даже белого силиконового червя для ловли форели. И всё это срабатывало!

Несколько дней так и провели в идеальной тишине северных пограничных лесов Мезенского края. Встретили лося, зашедшего по колено в ручей, но от моих восторженных криков показавшего выдающиеся способности по прыжкам в прибрежной растительности.

Никаких ранних подъёмов, никаких лагерных забот, только непродолжительные бесцельные прогулки по окрестностям вдоль ручья и наслаждение от окружающей нас природы, иногда огорчающей нас морозящим дождём.

Вечерами сидели на наспех сделанной лавке и ужинали под отдалённые звуки тетерева косача. Сергеич рассказывал про охоту и про то, как мальчишкой ловил рыбу на поплавок у деревни.

– Вот вальдшнеп летает с остановкой в воздухе и охота на него - это стрельба с заранее выбранной точки на его маршруте, а не охота. Он же летает по кругу, можно встать под одной и той же елью и ждать, пролетел, стрельнул, если не попал, то стой и жди, когда он опять пролетит, - объяснял он мне премудрости лесных охотников.

На пятый день робинзонады меня ожидало продолжение этой лесной сказки. Мы сплавом вышли по ручью, с расчётом к вечеру дойти до избы, где уже три полноводных ручья сливаются воедино, образуя мощный водный поток, разрезающий тундру шестьдесят шестой параллели. Ранним утром нас проводили два гуся гуменника, показывая мощь

размаха крыльев, от которых шевелились ветви прибрежных деревьев.

Сначала долго отдыхали у гнезда канюха, свитого на верхушке высокой ели, потом сделали несколько остановок и порыбачили, наловив четверть ведра крупного ельца, и на блесну вертушку, и на кукурузу, и на сало. А когда сделали обеденный привал, то я, не изменяя своим традициям, посколькунулся и искупался в холодной воде, чем немного рассердил своего проводника, потому что мы уже немного выбивались из графика.

Небо. Выйдя из ручья на реку я обратил внимание на небо, которое совсем не замечал за хлыстами елей, склонявшихся по угорам ручья. Река показалась невероятно широкой, а небо настолько необъятным, как будто бы я впервые вижу его.

А ещё я заметил, что сплавляясь на север к морю, трава по берегу реки ещё не успела встать, как это было замечено на угорах ручья, и листва на прибрежных берёзах ещё отдаёт светло-зелёным оттенком только что распутившейся молодежи. То есть это был сплав в из настоящего в прошлое! Время текло как река вперёд, а окружающая природа нас встречала картинками прошедших дней. И это не сон! Ну а кульминацией этого момента стала идеальная свежесть! Первобытная свежесть! Даже и не знаю, какое слово подобрать этому удивительному явлению. Воздух на закате вдруг стал настолько чист, мягок и безупречен, что это состояние покоя можно назвать только как первозданное совершенство!

Изба на реке стояла не на угоре, а немного вглубь леса и срублена из толстых брёвен, крыша была из пластин, положенных рёбрами внутрь, а сверху прикрыта листовым металлом. Не изба, а танк. Внутри стоял запах моторного масла, используемого для розжига печки, поэтому внешнее сходство избы с танком дополнялось и внутренним её содержанием. Вокруг было огромное количество кустов

жимолости, смородины и шиповника, а вот малины, в которой утопала изба у ручья, не было. Я, как обычно занял полáти под большим углом⁶, и намертво впал в глубокий сон.

После обеда вышли по реке на рыбалку. Падал грязный⁷ ветер, и поднимал волну, которая доходила даже в улова́⁸, где я пробовал разные оснастки, и нашёл-таки в одном омуте своё рыбацкое счастье. Елец ловился на червя, блесну-вертушку, мушку и кукурузу. Это предопределило решение Сергеича подкоптить ельца, наловленного за эти дни похода. Мы натянули проволоку, насадили на неё засоленного ельца и развели костёр, в который подкидывали молодые ростки осины. Ствол срубленной осины решили взять на щепу для копчения хариуса в деревне. Сергеич ещё сказал, что свежая щепá даёт лучший аромат при копчении, чем сухая, в чём я впоследствии убедился.

А вечером отправились вниз по течению искать рыбу в устьях ручьев, впадающих в реку. И нашли одну такую ванну, из которой вытащил две дюжины хариуса! Пробовал свои мушки из войлока, сало, кукурузу, силиконовых червей для ловли форели, всё работало!

– Вот откуда он тут взялся в таком количестве? Все поклёвки строго в одном и том же месте с одного квадратного метра! Это невероятно!

– Видать с нереста возвращается, - предположил закуривая Сергеич.

Под лодкой ходили многочисленные стайки малька.

– Малька мы колюхой называем, у малька нет верхнего плавника ещё и не понятно елец это или окунь, или хариус, - продолжал свои лекции по природоведению Сергеич.

---

⁶ *Большой угол – почётный, красный угол в избе*

⁷ *Грязный ветер – юго-западный ветер*

⁸ *Улова́ – вáдига, омут с обратным течением*

Когда в наших дискуссиях появлялись спорные мнения Сергеич брал нахрапом.

– А ты на Восточной Камбальнице был? Нет? То и нечего мне с тобой говорить!

Я в таких случаях умолкал, хотя мой малый Мангазейский поход на восточное побережье полуострова Канин Нос проходил в 30 вёрстах от устья этой реки.

На два последующих дня вопроса: А куда бы отправиться порыбачить? - у меня не было. Прожили их в лодке. Обед готовили на газовой горелке, а после я расстилался на спине на угоре, есть у меня такая привычка наблюдать за облаками, наверное, из детства, из самых первых рыболовных походов.

Потом ещё один день неторопливого сплава до следующей, последней стоянки под морозящий дождь.

Вечером сходил на болота, вслушиваясь то в тишину, то в переливчатую непродолжительную трель заполярных птиц

семейства вьюрковых или овсянковых. Запах в лесу в разных местах разный, у избушки на ручье лес грибной, такой запах обычно стоит в грибном лесу, а здесь лес был пропитан влагой, молодой листвой берёз, осин и кустарника, и чем дальше я уходил в лес, тем больше я вдыхал прохладную сырость болотных мхов. Удалось увидеть кукушку. Мало кто её видел в дикой природе. Слышать слышали, а вот увидеть её не каждому удавалось. Кукушка извещала о начале дождя, и окончании моей орнитологической экскурсии. Я вернулся к избе, надел верхоньки⁹, подбросил поленья в печь и под шум горящих дров задремал.

Утром выходим сплавом в сторону деревни с планами порыбачить в устьях ручьев, но как только якорь оказался в лодке, погода резко сменилась, ветер нагнал тучи со всех сторон и зарубил с севера, после чего стало не только дождливо, но и по-зимнему холодно. Пришлось надеть почти

---

⁹ *Верхоньки – рабочие рукавицы*

всё что было из одежды, все куртки и плащ. Грубая¹⁰ волна била в нос лодки и хлестала меня на протяжении нескольких часов, да так, что временами не мог открыть глаза.

Сергеич крутил румпель, стараясь как можно дальше пройти по реке в завётёр¹¹, но как только выходили на мелководные долгие плёсы, то крутая¹² волна в союзнничестве с встречным северным ветром порождала непрекращающийся холодный, почти ледяной душ. Тут я и понял, что значит промокнуть до костей!

На пределе своих сил мокрые, продрогшие дошли к вечеру до переправы. Сойдя на берег, я как спортсмен, впервые сорвавший финишную ленту, испытал такой же подъём духа от преодоления всех трудностей и лишений этого морского, именно морского хода¹³. Ведь мы шли по воде, которая через несколько часов смешается с водой Баренцева моря!

Я второй час неподвижно сидел, вглядываясь то в даль противоположного берега, то в пенные гребешки грубой волны, нагоняемой северным ветром на одной из деревенских лавочек, поставленных на высоком угоре. Холод начинал пробивать во мне дрожь, но я продолжал размышлять, понимая, что это возможно тот самый момент, момент прощания с Мезенским краем.

Пролетали воспоминания прежних походов. Диво гора, сказочные красоты заповедных болотных озёр и ручьев, бескрайний каннский мох, море, небо...

За спиной безлюдные улицы поморской деревни, забытой в круговерти очередного слома укладов. Следы дореволюционной эпохи можно увидеть, разглядывая старые ветхие избы, оставленные как память давнего и, по моему

---

¹⁰ Грубая – большая, высокая волна на мелководье моря или реки

¹¹ Завётёр – защищённая от ветра бухта, залив, берег реки

¹² Крутая волна = грубая волна

¹³ Ход – поплавь, маршрут по воде

мнению, лучшего прошлого. Следы советской эпохи воплощены в основном в ржавеющих под небом силуэтах морских буксиров и барж, свидетелей налаженной цепи производственных процессов освоения Русского Севера второй половины XX века и догнивающих лодок, сшитых по всем правилам поморского судостроения с адаптацией под гребной вал стационарных моторов того времени.

Край непуганых птиц будет утрачен. Возможно, наши потомки, ведомые, как и я Волшебным колобком, его возродят и смогут сохранить, но не ранее того часа, когда сгниёт последняя консервная банка, брошенная на угоре реки.

Вызов брошен и на весах безвозвратная утрата веками накапливаемых ценностей уникальной стороны человеческой природы, Мезенской стороны.

